

ЩЕГЕМСКАЯ ПРАВДА

Еженедельная
газета.
26 июля
№ 20 (620)
2018 г.

Трагическое молчание

Проблема семейного насилия в абхазском обществе находится под табу. Огласке факты насилия придаются лишь в том варианте, когда они заканчиваются трагедией.

Элеонора ГИЛОЯН

На прошлой неделе в ходе возникшей бытовой ссоры, жительница Сухума нанесла своему супругу телесные повреждения. От полученных травм мужчина скончался.

«14 июля в 12:35 в дежурную часть отделения милиции УВД по городу Сухум поступило телефонное сообщение из приемного отделения центральной Республиканской больницы о доставлении мужчины с открытой черепно-мозговой травмой, множественными ушибами мягких тканей лица и переломом основания черепа», — говорится в сообщении пресс-службы МВД.

Сама женщина сдалась с повинной, сейчас она водворена в ИВС МВД. Прокуратурой города Сухум по данному факту возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 99.

Из источников, приближенных к следствию, известно, что это — очередная история о самообороне. Не раз по адресу проживания семьи, в которой случилась трагедия, выезжали сотрудники

милиции. Вызывала их сама женщина, устав от вечной обороны и рассчитывая на помощь.

О роли женщины в семье и на Кавказе (а чаще одновременно всюду) говорится и пишется немало. То с точки зрения глобализации, то эмансипации, то конкретных случаев, вызывающих большой резонанс. Не так давно к своим обязанностям приступила и второй в новейшей истории Абхазии Уполномоченный по правам человека Асида Шакрыл.

«Самое главное, что сегодня проблема домашнего насилия никак не регулируется законодательно. Сейчас жертва, так называемого, бытового насилия в Абхазии фактически ничем не защищена», говорит омбудсмен.

То есть, сегодня, приехав по вызову жертвы домашнего насилия, сотрудники органов внутренних дел, фиксируют обычные правонарушения. Ровно такие же, как в случае потасовки на улице между незнакомыми людьми. Системного подхода нет, и официально домашнего насилия в стране не существует.

«Должна существовать некая цепочка. Если год назад, полгода назад, три месяца назад и сегодня, наряд выезжает по одному и тому же адресу, это уже прямой сигнал. В идеале, по каждому случаю домашнего насилия должно быть индивидуальное

реагирование. И привлекать к ответственности лицо совершившее насилие нужно далеко не тогда, когда он избил до инвалидности или, не дай бог, убил, а по самым мелким действиям. Сотрудниками правоохранительных органов должна проводиться профилактическая работа: взять на учет неблагополучную семью, проводить профилактические беседы, при необходимости выносить, так называемое, защитное предписание, и в случае его нарушения, привлекать к ответственности за невыполнение. Если подобные меры будут проводиться системно, есть уверенность, что мы сохраним семьи и жизнь многих, нуждающихся в поддержке и помощи», — рассуждает Асида Шакрыл.

Самое страшное, считает омбудсмен, это то, что нет неотвратимости наказания. «К сожалению, у нас в стране идет полное отрицание существующей проблемы. Мол, не может в Абхазии быть никакого домашнего насилия, у нас все регулируется, у нас Апсуара. Надо понимать — мы как все. То есть, ничем не лучше и не хуже других, не уникальнее», — говорит Шакрыл.

Речь идет о традиционных формах регулирования общественных взаимоотношений. «Новое время, новые вызовы. Нельзя ссылаться на то, что считалось действенным век, а то и два назад. Сегодня эти рычаги, увы, не работают», — заключает Асида Шакрыл.

С 1999 года в стране работает Ассоциация Женщин Абхазии. Своими главными задачами в организации считают расширение участия женщин в общественной и политической жизни. Ресурсный центр АЖА находится в Сухуме и предоставляет женщинам справочные материалы и консультации по самым разным направлениям. С годами, жертвы домашнего насилия начали не бояться идти за поддержкой в Ассоциацию. Как рассказала сотрудница АЖА Кама Аргун, за год обратившихся женщин свыше 30, из них около 5 являются клиентами. «Эти женщины систематически получают юридические и психологические консультации и плюс сопровождение в правоохранительные органы. Практически все ситуации связаны с применением физического насилия, но где физическое насилие, то там естественно и психологическое», — говорит Аргун.

Исходя из опыта работы, сотрудники АЖА называются в Абхазии закрытым институтом. Кама Аргун отмечает: «Можно сказать, что наши женщины многое замалчивают, не принято выносить «сор из избы». Считаю необходимым проведение профилактики борьбы с домашним насилием. Больше говорить о последствиях насилия, о том, как это явление негативно отражается на детях. Почему-то сейчас некоторые оправдывают домашнее насилие патриархальными тра-

дициями, но традиционно у абхазцев никогда не было принято унижать женщину, поднимать на неё руку».

Как и омбудсмен, сотрудник Ассоциации женщин считает необходимым принятие закона о домашнем насилии. «Мы его уже разработали, лоббировали в 2012, но, к сожалению, тогда парламент его не принял. Сейчас мы возвращаемся к нему, вносим изменения, и в ближайшее время будем снова пытаться его пролоббировать», — отмечает Кама Аргун.

Психолог Илона Воуба же уверена — еще одной важной проблемой является подавление агрессии жертвой, и направление ее на себя. «Конечно, речь идет о нашем обществе, где женщине, в целом, запрещено выражать чувства и проявлять недовольство. Отсутствие поддержки и сочувствия приводит к ощущению беспомощности», — считает Воуба.

Так или иначе, человеческое терпение не безгранично. Долгие годы, живя жертвой, личность человека переживает трансформацию. Все это в итоге приводит или к ненависти к себе, или — к окружающим. Чаще — и то, и другое одновременно. А вот вырваться из этой кабалы, уверены все наши собеседники, действительно возможно даже в самых крайних ситуациях. Стоит только еще раз вспомнить про приоритеты, особенно, если в отношениях двух есть и третья сторона — дети.

Хатуна Логуа: «В последнее время происходит какое-то нравственное ментальное одичание».

Резонансные убийства в последнее время в Абхазии не редкость. Не успели отгреметь скандалы вокруг так называемых убийств чести, как общество всколыхнула новость об убийстве женщиной собственного мужа. Психолог, эксперт Хатуна Логуа анализирует разные случаи семейного насилия и приходит к печальным для общества выводам.

Анаид Гогорян: В последнее время в Абхазии были громкие случаи насилия в семье, убийства родственников. Еще пару лет назад в обществе звучали мнения, что в республике нет такой проблемы. Но сегодня мы чаще становимся свидетелями страшных случаев расправы родственников над членами своей семьи. Как вы считаете, почему в Абхазии такое происходит?

Хатуна Логуа: На мой взгляд, в последнее время происходит какое-то нравственное ментальное одичание. Мы оказались в условиях, когда почти не работают механизмы власти, когда

судебная власть, правоохранительные органы просто не справляются со своими задачами. У нас в последнее время все чаще и чаще имеют место чуть ли не суды Линча. Потому что в условиях, когда власть бездействует, включаются стихийные механизмы самоорганизации.

Когда случается какое-то событие, меня, может быть, больше, чем само это событие, шокирует реакция общества на него. И это тоже является неоспоримым свидетельством того, что у нас на уровне, может быть, даже коллективного бессознательного что-то точно не в порядке. Даже звучат вопросы: что же с нами такое, народ болен, народ нездоров. Отрицать это как минимум глупо, а как максимум — это не очень полезно. Об этом не то что говорить, об этом уже кричать давно пора. У нас это тоже в культуре — это тоже, кстати, одна из причин, способствующих тому, что процветают такого рода явления, — замалчивание. На мой взгляд, это немного даже лицемерно, и это приводит именно к разви-

тию этих тенденций и этих нездоровых процессов, симптомы, которые мы сегодня наблюдаем.

Если говорить о проблеме, которая какой-то частью, кстати, немало, к сожалению, частью нашего общества упорно не признается — домашнее насилие. Видно из статистики, что это явление цветет буйным цветом именно в тех социумах, в которых есть тенденция скорее оправдать агрессора и насильника и обвинить жертву. И мы это слышим: достаточно, если на ленте появляются новости, прочитать комментарий, и это будет иллюстрацией к тому, что я говорю. У нас почему-то склонны люди скорее оправдать агрессора. Несоизмеримо насилие больше касается сегодня женщин и девочек, больше, чем мужчин и мальчиков. И эти два случая, которые были буквально за последние несколько дней, два убийства, они как раз — те самые исключения, которые подтверждают правила.

А. Г.: Вы имеете в виду последние случаи, когда женщины убили мужчин. А можно гово-

рить о какой-то обратной ситуации, тенденцией можно назвать?

Х. Л.: Я бы не стала называть это тенденцией, это просто доведенные до отчаяния женщины, которые просто не нашли другого способа защитить себя. Я думаю, что особенно убийство в семье, которое произошло, — оно было в аффектном состоянии. Можно только предполагать, что могло женщину на это толкнуть. Если женщина, тем более, беременная, совершает такое убийство, то какое же было воздействие на нее, что ее довело до такого отчаянного шага.

А. Г.: Есть ли какая-то статистика? Кто совершает преступления? Возраст? Почему такая агрессия у людей? Может быть, это как-то связано с последствиями войны, как вы считаете?

Х. Л.: В том числе тоже. Статистика, не знаю, может быть, она и есть. Это очень важно, чтобы начать лечить, нужно понимать, что мы лечим, хотя бы оценить масштабы бедствия. И это тоже очень серьезная тема для тщательного анализа и изучения. А если говорить об уровне агрессии, то он действительно зашкаливает. Стоит просто посмотреть на детей, даже не подростков, даже просто маленьких детей, уровень агрессии

и уровень тревожности, к сожалению, крайне высокий. Да, война в этом сыграла свою роль, потому что сегодняшние родители — это те самые дети войны. Если говорить о характерных чертах, то это, конечно, тревожность. А тревожность — это тот способ поведения, который, к сожалению, передается трансгенерационно от поколения к поколению. Тревожные родители потом растят тревожных детей.

А что касается агрессии и домашнего насилия, оно, к сожалению, тоже передается из поколения в поколение. И это есть самая большая опасность. Ребенок, который сам стал жертвой насилия, или даже если его пальцем никто не тронул, просто он был свидетелем домашнего насилия, когда насилию подвергался кто-то из членов его семьи или его близкие, то в будущем развитие жизненного сценария у такого ребенка сводится к двум вариантам: или он в будущем тоже станет агрессором и будет практиковать агрессивное поведение по отношению к своему партнеру, к своим детям, или жертвой. И роли распределяются таким образом, это опять же статистика, что чаще всего роль агрессора выбирают мужчины, а роль жертвы приписывают на себя женщины.

(Окончание на стр. 3)

Астамур Тания: «Я уверен, что ни у какого государства не существует какого-то ярко выраженного в технологическом смысле своего особого пути. Поиск особого, собственного пути строительства государства заканчивается тупиком...»

- В сентябре этого года исполняется 25 лет со дня Победы в грузино-абхазской войне 1992-1993 гг., независимому абхазскому государству исполняется четверть века. Скажите, пожалуйста, какие события в современной истории Абхазии Вы могли бы назвать самыми важными, ключевыми за эти 25 лет?

- Я думаю, что почти все называют одни и те же значимые события. Конечно же, это победа в войне, а также процесс борьбы за выживание молодого абхазского государства, который шел практически до августа 2008 года, когда Россия признала нашу независимость, когда были установлены российско-абхазские межгосударственные отношения. На самом деле, это был большой и сложный этап в истории нашей страны, когда происходили значимые, судьбоносные события.

Мы жили в условиях конфликта, который в любой момент грозил перейти в открытую, военную фазу. Нельзя забывать о политике санкций, применявшихся в отношении Абхазии, только что пережившей войну. Санкции повлияли и на социальную структуру нашего общества.

То чувство оптимизма, которое переполняло наш народ, победивший в кровопролитной войне, энтузиазм, с которым люди приступили к государственному строительству, заметно поубавились в период борьбы за послевоенное выживание.

В 2008 году угроза возобновления военного конфликта отошла на второй план, и мы, на мой взгляд, оказались в некоторой растерянности. Да, к этому времени у нас уже были сформированы государственные и политические институты, законодательная база. Худо ли, бедно ли осуществлялась ротация власти путем выборов. Сами выборы - и президентские, и парламентские - проводятся на альтернативной основе. Это тоже можно назвать серьезным достижением.

Мы все помним президентские выборы 2004 - 2005 годов. Да, они были очень острыми, драматичными, но это тоже была конкурентная борьба за власть, формировалась определенная политическая культура.

После августа 2008 г., как мне кажется, у нас был непродолжительный период эйфории. Свою роль сыграло и то, что стала поступать солидная российская финансовая помощь, начался период восстановления инфраструктуры, объектов социальной сферы.

Но, как мне представляется, мы все-таки не определились с приоритетами. Прежде всего, мы не определились с тем, какой мы хотим видеть Абхазию?

В нашей Конституции продекларированы определенные ценности, но мы не стремимся на деле к их достижению, т. е. Конституция, зачастую, является для нас лишь ширмой, прикрывающей совершенно иные правила жизни нашего общества.

В целом, если говорить о государственном строительстве, то в нем нет какой-то окончательной точки, даты. Это постоянный процесс. Я думаю, что нет государств, о которых можно сказать: «Все! Они окончательно построены!».

В нашем случае важно то, что мы сохранились, что мы, пусть медленно, иногда с откатами назад, но идем по пути строительства государства. На самом деле, это тоже очень большое достижение, потому что в мире много и других примеров.

Мы ведь помним, как все происходило, какой ценой и при каких политических обстоятельствах был освобожден Сухум, какое давление оказывалось на Абхазию уже после войны, как принималось решение о признании независимости Абхазии. Нельзя исключать, конечно, и элемент геополитического везения, но ведь мы сумели воспользоваться им.

И в этом заслуга тех, кто руководил в этот период Абхазией. Они смогли прочувствовать момент, смогли не испугаться и взять на себя ответственность. Это очень важно. Именно для этого избираются руководители государства.

- Что бы Вы отнесли к несомненным успехам сменявших друг друга нескольких управленческих команд в стране, а что, если не к поражениям, то к ошибкам или промахам?

- Несомненные успехи я перечислил. Но, как мне кажется, на данном этапе мы пока не выбрали верный вектор развития нашего государства. И этим в первую очередь должны озаботиться управленческие команды. Это касается всех ветвей власти.

Что мы хотим в итоге построить? Из-за того, что мы пока не определились с путями строительства нашей страны, а я надеюсь, что это кратковременный период, идет процесс ослабления государства. Вот то, что вызывает наибольшее беспокойство. Вместе с ним набирает обороты и процесс маргинализации общества. Люди не чувствуют себя защищенными законными средствами и институтами, которые призваны обеспечивать безопасность. Из-за этого у нас возрождаются традиционные формы самозащиты. Это кланово-родовые формы обеспечения интересов разных фрагментов общества. Я считаю это самой опасной тенденцией, потому что современное государство несовместимо с первобытными формами самоорганизации.

Государственное строительство имеет свои технологии. Я уверен, что ни у какого государства не существует какого-то ярко выраженного в технологическом смысле своего особого пути. Поиск особого собственного пути строительства государства заканчивается тупиком и зачастую влечет за собой много жертв, к тому же бессмысленных, т. к. все равно придется возвращаться к естественным, научно обоснованным и проверенным формам развития.

Государство должно формироваться испытанными методами. Надо изучать успешные примеры, анализировать, на чем основывается стабильность этих государств.

Да, понятно, Абхазия - это молодое государство. Но в современном мире, в условиях глобализации, 25 лет - это и не такой уж маленький срок. Сейчас, если ты выпадаешь из каких-то современных трендов развития на несколько лет или не исследуешь их, или трастишь время на поиск уникального пути, успех маловероятен. А мы зачастую тратим на это время, о чем свидетельствует, в том числе и наша официальная пропаганда, которая так и не изменилась за последние 20 лет, поскольку люди не знают, что пропагандировать. Поиск своего собственного пути на самом деле тормозит процесс государственного строительства. Пройдет время, и мы не сможем интегрироваться в современный мир. Нам надо проанализировать нынешнее состояние нашего государства, то, как развиваются различные сегменты общества.

Наше общество, если взять, к примеру, его национальный состав, разделено на общины. Есть доминирующая часть - абхазы. А есть армянская, русская и грузинская общины. Иногда меня коробит, когда говорят: «Народы Абхазии». Но Абхазия - это не федерация, и не конфедерация. Разделение нашего народа на граждан с де-факто разными правами содержит серьезный конфликтогенный фактор, мешает формированию здоровой конкурентной среды. Это касается и экономики, и политики.

Я думаю, что у нас, если мы стремимся к стабильности и успеху, нет иного пути, как построение гражданской нации. Для этого, естественно, необходимо преодолеть некоторые исторически сложившиеся клише и страхи.

Если проанализировать и сопоставить реальные угрозы и наши фобии, то можно увидеть, что они тоже с течением времени развиваются, трансформируются, изживают себя. Находясь же в плену отживших штампов, мы не сможем успешно развиваться как современное государство.

Нужно оценить наше нынешнее состояние, основываясь на всех этих факторах и посмотреть, как из него выйти. На это должна быть нацелена и государственная пропаганда.

- А у нас есть на это воля и ресурсы?

- Понимаете, если мы будем все время делиться на кланы или политические секты, то ресурсов у нас будет все меньше и меньше. Любое государство, которое становилось на путь реформ и шло по пути их успешного осуществления, в первую очередь, избавлялось от обычаев и порядков, которые тянули его назад. А почему мы не можем это сделать?

Возьмем, к примеру, Россию: почему Петр Первый рубил бороды боярам, почему царь сам лез на мачты, почему заставлял работать руками людей, кото-

рые раньше никогда этого не делали, заставлял их постигать науки? Потому, что, не сломав устаревшее мировоззрение, нельзя было двигаться вперед.

И нам надо посмотреть на то, что нам позволит двигаться вперед, как государству, а что нас тянет назад. Мы нередко говорим, что не можем заниматься теми или другими делами из-за нехватки людей, специалистов. Но их никогда и не будет, если не заниматься делом. Зачем они нужны, если мы не занимаемся созданием? Для реформ необходима, прежде всего, политическая воля, верные ориентиры и последовательность в достижении поставленных целей, а специалистов, которых не хватает, можно пригласить извне.

Не может отставать в развитии общество, к примеру, из аграрного перейти в индустриальное, если оно не будет привлекать специалистов, имеющих соответствующий опыт. Людей можно и нужно искать как внутри страны, так и за ее пределами. А если мы будем идти по нынешнему пути, у нас скоро останутся лишь враждующие кланы и преступные группировки со своими главарями. Это будет феодальная раздробленность, а не современное государство. В таком состоянии мы долго не протянем.

- Грустно... А что вы думаете по поводу сохранения абхазского языка и культуры?

- У нас программа развития абхазского языка стала просто элементом пропаганды. Принимается закон (Закон о государственном языке - МГ), который носит откровенно пропагандистский характер. И те, кто инициирует принятие таких законов, и те, кто их принимают, понимают невозможность их реализации. Почему? Да потому, что не учитываются ни существующие реалии, ни мировой опыт в этой области.

Мы должны прежде всего понять, в какой сфере абхазский язык может функционировать и развиваться, а какую сферу он не в состоянии освоить по определению. Может быть, кому-то это не понравится, но это факт: постичь современные знания с помощью абхазского языка невозможно в принципе. В этом нет ничего обидного или унижающего наш язык. Сегодня даже русского языка недостаточно, поскольку огромный и растущий в геометрической прогрессии массив научной литературы и информации - на английском языке.

У нас любят цитировать Ли Куан Ю, но делают, обычно, все наоборот. Они в Сингапуре сравнили качество преподавания в двух своих университетах - китайском и английском и увидели, что знания, касающиеся математики, физики, экономики и т. п., в китайском университете развиваются хуже потому, что необходимой научной литературы на китайском нет, а вся передовая литература на английском. Они перевели все обучение на английский язык, зато увеличили часы на преподавание китайского языка, литературы, этики, культуры. Таким образом они сохраняют и свое национальное лицо, и конкурентные преимущества, связанные с освоением передовых знаний. Вот мы об этом должны подумать.

Вот у нас дети изучают в школе, особенно в младших классах, абхазский язык, что часто сводится к зубрежке длинных стихотворений и текстов, смысла которых они не понимают. Разве такой подход может помочь детям в освоении язы-

ка? В то же время в мире существует масса апробированных методов изучения языков. Есть много примеров восстановления вымирающих языков. Ведь восстановили и сохраняют те же кельтские языки. Почему бы не изучить опыт той же Ирландии или Уэльса? Почему мы упорно идем по пути, который ведет не к развитию языка, а его к уничтожению? Мы же видим, что используемые нами методы не работают. Такими методами можно вызвать лишь неприятие к языку, тем более у представителей других национальностей, для которых он превращается в инструмент дискриминации.

Абхазский язык очень сложен для изучения, а значит его преподаванием должны заниматься высококвалифицированные кадры, с широким кругозором, способные освоить передовые методики. А посмотрите, теперь какой конкурс на специальность «Абхазский язык и литература» в АГУ. Преподавание абхазского языка, к сожалению, становится непрестижной профессией, в которую идут, зачастую, по остаточному принципу. С этим надо что-то делать.

Преподаватель абхазского языка должен быть конкурентоспособным, с ним ученикам должно быть интересно. И одним лишь повышением зарплаты преподавателям эту проблему не решить.

Помните, какие раньше, в те же 80-ые годы, были большие конкурсы абитуриентов на тот же истфак, а сейчас? Молодежи стало не интересно заниматься исторической наукой. Сколько лет самому молодому ученому в АБИГИ? Очевидно, что такое направление науки, как абхазоведение, которым никто, кроме самих абхазов заниматься не будет, вымирает. Почему? Что его грузины уничтожают? Мы сами не хотим этим заниматься. Надо проанализировать, почему так происходит, почему молодежь не хочет заниматься этим, в чем причины.

Надо возрождать интерес к науке, в том числе и материальный, но это нельзя делать старыми, изживающими себя методами.

Почему бы не отправить людей в тот же Уэльс или на остров Мэн, посмотреть, как там решались аналогичные проблемы с языком, перенять опыт. Наша наука не может развиваться изолированно, вне мирового контекста, без расширения международных связей. В противном случае ее ждет неминуемая деградация.

- Но ведь с помощью тех же неправительственных организаций, отправляли людей для изучения опыта в Шотландии, Ирландии..., за что наши НПО подвергались обструкции.

- Может, те, кто выступают с нападениями в адрес этих НПО, просто боятся утратить контроль над этим процессом?

- У нас сегодня несколько государственных структур и даже специально созданный Госкомитет занимаются проблемами абхазского языка, но очевидных результатов их деятельности пока не видно, несмотря на немалые выделяемые средства. И в этом вопросе вряд ли произойдут принципиальные изменения, пока не будет выработана реалистичная программа работы. И тут без мирового опыта вряд ли удастся обойтись.

- Уж очень пессимистичная картина получается.

- Внесу толику оптимизма в нашу беседу. Можно критико-

(Окончание на стр. 4)

Хатуна Логуа: «В последнее время происходит какое-то нравственное ментальное одичание».

(Окончание. Начало на стр. 1)

А. Г.: Есть ли какая-то психологическая помощь? Может быть, какие-то традиционные механизмы помощи семье. Или может ли семья прийти на консультацию к психологу?

Х. Л.: Не первый год организация «ООН-женщины» проводит очень серьезную работу в сотрудничестве с местными организациями. В Сухуме – с Ассоциацией женщин Абхазии, в Гале – с организацией «Авангард». АЖА давно и очень серьезно занимается этой проблемой. И масса мероприятий были, и круглых столов, и даже акции были в прошлом году, «16 дней без насилия». Опять же наблюдается неоднозначное отношение у нас в обществе к этому. Я сама сейчас сотрудничаю в качестве эксперта и провожу

встречи. Буквально сегодня у нас была встреча с представителем правоохранительных органов, которые тоже являются частью нашего общества и тоже являются носителями этих стереотипов, мифов и этого отношения.

Агрессор, когда получает такое молчаливое одобрение и оправдание, тут, конечно, очень трудно на него как-то подействовать, не говоря о том, что у нас нет закона о домашнем насилии. И представители правоохранительных органов склонны вообще даже не вмешиваться в это, считая, что это бытовое дело, это дело внутрисемейное и не стоит в это вмешиваться. Это явление воздействует как на уровне личности, так и на уровне семьи и ее ближайшего окружения, социума и государства в целом. То есть оно затрагивает

абсолютно все сферы и те государства, которые склонны таким образом поощрять это – в этих странах, в этих государствах домашнее насилие является очень серьезной проблемой. К сожалению, мы в их числе.

А если говорить о традиционных механизмах, любые традиции, механизмы возникают как ответ, как реакция на какие-то вызовы среды. В принципе, все эти нормы возникают из желания и из потребности людей как-то упорядочить, иначе будет хаос и разброс и полный распад. И чтобы этого не случилось, в том числе в обществе, люди как-то договариваются, придумывают эти нормы поведения. Вот эти нормы, которые тоже, кстати, трактуются очень по-разному. И мы даже сегодня являемся с вами свидетелями того, что на наших глазах фор-

мируются новые нормы, абсолютно дикие. Я имею в виду т.н. убийства чести. Люди, которые изучали этнографию, говорят, что это совершенно не характерно было для нашего общества. И сегодня мы являемся свидетелями зарождения новой нормы и новой традиции. И это еще одно из свидетельств ментального одичания, потому что при попустительстве государства правоохранительные органы и судебная власть не работают, и судебные решения, даже если суд принимает решение, то оно просто совершенно не обязательно. То есть суровость судебного решения смягчается необязательностью его выполнения. И это становится нормой.

К сожалению, есть случаи, когда правоохранительные органы не подчиняются решению суда, чего уж говорить о простых гражданах. И в этой ситуации, конечно, возникают случаи самосуда и права сильного. Причем эти убийства, они же совершаются именно с самыми незащищенными людьми, с теми, кто не может за себя постоять.

А. Г.: Какие механизмы необходимо выработать, чтобы как-то изменить ситуацию?

Х. Л.: Сегодня у нас нет духовного учителя Махатмы Ганди, но у нас есть власть, у нас есть государство. Каждый, кто идет сегодня во власть, должен понимать, осознает или нет, принимает или нет, но эта ответственность ложится в первую очередь на них. Сегодня единственное, что нас может, наверное, спасти, – это все-таки договориться о том, что должны соблюдаться правила. Нужно просто соблюдать законы и жить по правилам. И, может быть, тогда хаоса в нашей жизни, в нашем обществе будет меньше. Суициды, большинство из них – они не про смерть, это такой крик о помощи, это такой крик о том, что я так больше жить не могу, так жить нельзя. Я не знаю, сколько еще нужно таких криков и таких смертей, особенно когда суицид совершают дети или подростки, молодые люди, и это на самом деле ужасно. Сколько еще нам нужно смертей для того, чтобы одуматься и заглянуть внутрь себя и признать эту проблему.

Когда социум сосредоточен на негативе

Проблема суицида в нашей стране был посвящен круглый стол, организованный Священной Митрополией Абхазии. В нем приняли участие представители духовенства, Парламента страны, исполнительной власти, врачи, учителя, психологи, общественные деятели. Около трех часов обсуждался один из самых острых вопросов повестки дня.

Элеонора ГИЛОЯН

Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить – вот с чем сталкиваются люди на грани суицида. Однако окончательный ответ на вопрос что толкает человека на такой, безусловно, сложный и бесповоротный шаг, вряд ли когда-то будет найден. Воистину каждая история несет индивидуальный характер. В своем выступлении Архимандрит Дорофей Дбар представил существующие причины самоубийств в нашей стране: «Я хотел бы указать на несколько групп людей в абхазском обществе, которые своим жестким отношением к конкретному человеку, подталкивают его к суициду. Начнем с родителей – нередко их позиция в моменты, когда они даже не хотят выслушивать своих детей, не говоря уже о сопереживании, приводит к суицидальному исходу. Вторая категория – подростки. Именно их недостойное отношение к своим сверстникам толкает последних на отчаянный шаг. И еще одна категория, чей термин введен мной в ходе подготовки к данному круглому столу. Абхазский пуританизм – данная категория людей под прикрытием неcodифицируемого кодекса чести абхазов принуждает к суициду своих сородичей, допустивших по тем или иным причинам ошибку в своей личной жизни».

Подобно отсутствию ответу на вопрос «кто виноват?», на «что делать?» тоже никто однозначно ответить не может. Меж тем, Отец Дорофей, выделил одну из основополагающих причин подобных проблем. «Мы упускаем самое главное в нашей жизни – полноценное формирование человеческой личности. Мы занимаемся чем

угодно – стремимся одеть ребенка лучше всех, хотим, чтобы они выглядели хорошо, ездили на дорогих машинах, получали хорошее образование. В процессе всего этого, мы забываем о том, что мы упускаем грани человеческой личности», – отметил Архимандрит Дорофей Дбар.

Проблема суицида носит комплексный характер и не является исключительно психолого-психиатрической или педагогической. Самоубийства относятся к серьезным социальным проблемам. Об этом в своем выступлении говорила психолог Элана Кортуга: «Социум сосредоточен на негативе. Мы очень мало радуемся событиям нашей жизни, и очень много страдаем. Это формирует с раннего детства негативное мышление. Я часто слышу в детской среде обсуждения не радостных событий, а похорон, трагедий. Более того, они даже играют в похороны». Так, считает Элана Кортуга, происходит по целому ряду причин, над частью из которых в той или иной степени работают сами родители. Зачастую, даже не подозревая об этом. «Честно говоря, ни как человек, ни как специалист, не понимаю смысл традиции приводить маленьких детей на похороны и панихиды. Мне кажется, это чудовищно, тем более, без определенной подготовки и разъяснения смысла данного ритуала. Надо понимать, что дети познают мир эмоциональной сферой и подобные события оказывают колоссальную нагрузку», рассказала Кортуга.

Со своей стороны о проблеме суицида высказались и представители надзорных органов, силовых ведомств, органов внутренних дел.

«За десять лет суицидов вместе с попытками суицида было в общей сложности более 800. Реально эти попытки унесли жизни 327 человек. Возможно, это прозвучит некорректно, но люди, которые реально собирались уйти из жизни, в основном страдали различными невротическими заболеваниями. После войны многие не находили в себе сил жить дальше и принимали подобные трагические решения. Большинство остальных

случаев, т.н. попыток – это истории о преимущественно молодых людям и их страданиях по несчастной любви», рассказал прокурор следственного управления Генеральной прокуратуры Адамур Тарба.

Позиция церкви в вопросах самоубийства испокон веков однозначна. Убивающий себя, убивает человека, сказал блаженный Августин. К его словам обратился и Отец Дорофей, напоминая, что грех самоубийства является смертным, то есть, не прощаемым. Иерей Никита Адлейба среди причин актуализации проблемы суицида, назвал духовное падение. У поколений меняются ориентиры, и вере приходится уступать место. К обсуждению были приглашены и представители народного собрания страны. Депутат Алхас Джинджолия, являющийся долгое годы практикующим врачом, рисует картину так: «Мы оторвались от нашего, так скажем, родового строя и взамен ничего не выстроили. Информационный поток, который обрушился на каждого из нас, кроме негатива практически ничего не несет. Закрывать и запретить эти вливания невозможно. Возможно, нужно пойти по пути мировой практики и создать мощную службу психологической поддержки».

Так или иначе, важно смотреть вокруг и чувствовать, когда близкому человеку необходима поддержка. В силу менталитета, сам человек, оказавшись в кризисной ситуации, едва ли постучится в кабинет психиатра или психолога, однако его родные, уверенны специалисты, должны понимать всю серьезность момента и опасность упущения драгоценных дней, а то и часов. Сегодня сплошь и рядом проходят кампании, призывающие проверять собственное здоровье и держать руку на пульсе. Уже не стыдно обходить онкологов, сдавать кровь на ВИЧ и Гепатит, говорить о правилах контрацепции. Но по-прежнему стыдно вслух размышлять о самом главном здоровье – душевном. Страх психологов и психотерапевтов объяснить можно по-разному, но не хочется. Хочется избавить от него каждого и поскорее.

У Кировского завода просят 150 тысяч долларов за информацию о похищенном акционере Максиме Яковлеве

В деле о насильственном изъятии в Абхазии Максима Яковлева появился новый предмет торга. Благородный осведомитель предлагает Кировскому заводу точную информацию о похищенном бизнесмене, прося взамен сумму в двадцать раз меньше выкупа.

Как стало известно «Фонтанке» 23 июля, на корпоративный электронный ящик предприятия пришло письмо от имени мужчины, который представился давним знакомым Яковлева, кратко постарался убедить адресата в своей солидности и рассказал, что на самом деле предприниматель не похищен. Он будто бы благополучно живет в Турции после инсценировки вооруженного нападения на его номер в отеле.

Более детальные знания от правитель обещал предоставить после выплаты 150 тысяч долларов. С Яковлевым, как следует из письма, они разошлись не очень хорошо, эта сумма якобы равна долгу предпринимателя, и рассекречиванием сведений мужчина просто вернет свое.

В Кировском заводе автор надеется найти союзника. Предприятие ведет затяжной и острый спор с Яковлевым, который напрямую или через друзей-дольщиков имеет влияние на 25 процентов акций. Городское бизнес-сообщество годами обсуждает упорность Яковлева, не желающего продавать пакет гендиректору завода Георгию Семенову. По слухам, оппоненты не сходятся в цене. Кировский завод, как сообщил «Фонтанке» брат пропавшего Константин Заремский, – это

в первую очередь не производство, а недвижимость. Площадь торговых помещений, сдаваемых в аренду, превышает миллион квадратных метров, уточняет собеседник, и очевидно, что предложение о покупке 25% должно быть очень дорогим.

Автор письма предлагает Кировскому заводу развенчать миф о похищении и тем самым информационно уничтожить Яковлева.

Электронное послание приобщено к уголовному делу. Его ведет Следственный комитет. Сотрудники завода допрошены по обстоятельствам получения письма.

По данным «Фонтанки», некоторые факты из описанных «доброжелателем» подтверждаются, часть из них не была известна широкому кругу. Но в ценность сведений о Яковлеве не особо верят, считая, что автор решил нажиться на шумном деле. Он требует сумму, эквивалентную 10 млн рублей, а это в двадцать раз меньше заявленного выкупа.

По официальной версии, 53-летний Максим Яковлев похищен из отеля Afon Resort Hotel абхазского города Новый Афон в ночь на 20 июня 2018 года тремя вооруженными мужчинами в камуфляже. В номере найден тайник с крупной наличностью. Преступники требуют выкуп в 200 млн рублей. Яковлев будто бы через записку сообщил, что его держат в подвале, и о сборе денег попросил владельца ТРК «Гранд Каньон» Муссу Экзекова, с которым они дружны со студенчества. В Абхазии тоже возбуждено дело о похищении предпринимателя.

магазин «РОСТОК»

Цветы и все для ландшафтного дизайна

г. Сухум, ул. Им. Шамиля, 13

Тел.: (+7-940) 774-29-57

e-mail: Susanna1012@yandex.ru

Астамур Тания: «Я уверен, что ни у какого государства не существует какого-то ярко выраженного в технологическом смысле своего особого пути. Поиск особого, собственного пути строительства государства заканчивается тупиком...»

(Окончание. Начало на стр. 2)

вать абхазов, наши национальные черты, но у нас есть такие существенные конкурентные преимущества, как развитое чувство индивидуализма и личной свободы. Эти качества как раз очень важны в современном мире. Страны Европы пришли к индивидуализму и личной свободе через многовековой процесс формирования гражданского общества. У нас эти качества являются наследием нашего традиционного хозяйственного и общественного уклада, и их надо использовать, но уже в современных условиях.

- Какие современные вызовы наиболее опасны для Абхазии, с какими из них сложнее справиться – с внутренними или с внешними? При решении каких проблем руководство страны оказывается бессильным без активной поддержки общества?

- К счастью, пока ситуация такова, что на ближайшую перспективу мы можем не опасаться внешней военной угрозы.

- А вот у нас в обществе не раз высказывались опасения по поводу возможного вступления Грузии в НАТО.

- Эти люди являются жертвами телевидения. НАТО это же не ИГИЛ, которого следует бояться. У НАТО и России, как правопреемницы СССР, длительная история взаимоотношений и взаимодействия. У них существует военный паритет, который является условием под-

держания мира и поиска компромиссных решений. Поэтому, полагаю, Россия и НАТО смогут найти общий язык, и вряд ли в этом вопросе они будут действовать с оглядкой на мнение Грузии и Абхазии.

Для нас самое главное – это то, что с признанием Россией независимости Абхазии в 2008 г. была надежно гарантирована наша внешняя безопасность.

Часто из-за внешней военной угрозы у нас не было возможности уделять достаточно внимания решению многих внутренних проблем. Сейчас этой угрозы нет, а потому надо использовать благоприятный момент и решать свои внутренние проблемы. Нужно перестать заниматься строительством «развитого феодализма», а заняться современным государственным строительством. И в этом вопросе, кроме всего прочего, очень важно просвещение людей.

У государства, на мой взгляд, три основные функции: обеспечение безопасности; распределение ресурсов, более или менее справедливо, чтобы избежать социального взрыва; не менее важная, а то и более всего важная функция – просвещение.

Нам нужны единая культурная среда, ценностные ориентиры. Сегодня мы пожинаем негативный эффект того, что не уделяли должного внимания просвещению. Можно сказать, мы утратили целое послевоенное поколение. У нас остро стоит проблема смены поколений политической элиты. Время со-

ветской и первой постсоветской элиты уходит. А кто ее заменит?

В других странах ее воспитывали, отправляли на учебу в разные страны. Я знал благодаря различным неофициальным встречам на неправительственном уровне представителей грузинского руководства, тех, кто впоследствии пришел к власти при Саакашвили. Это были очень подготовленные люди, с другим совершенно менталитетом. Представители Саакашвили, представители бывшей советской номенклатуры, тоже были очень подготовленные, но он без сожаления расстался с ними, потому что они не подходили для решения новых задач, и ему было кем их заменить. Потому что работа по подготовке политической элиты шла, будь то с помощью Европы или США.

У нас ведь тоже есть возможности для подготовки молодых людей прежде всего через Россию или какие-то другие страны. Не надо ни от каких возможностей для получения качественного образования отказываться.

Надо экстренно решать проблему, пока есть люди, на которых можно еще опереться, кого-то привлечь, растущую молодежь подтянуть. А сегодня у молодых людей нет шансов, нет перспектив: либо они должны стать преступниками, чтобы добиться того же материального благополучия, либо что-то «пилить» на госслужбе! Но так государство не может существовать. У государства нет таких ресурсов, чтобы все «попилили» и унесли домой.

Мы же ничего не производим! Мандарин становится все меньше, с орехами проблемы, табака и чая нет. Сокращается число отдыхающих. «Отдохнув» один раз у нас, люди не горят желанием вновь сюда вернуться. Инвесторы? Я удивляюсь тем смельчакам, которые все еще хотят вкладывать деньги в нашу экономику при том, как у нас обеспечивается безопасность инвестиций.

У нас ведь общество не живет по законам, оно живет по только ему известным понятиям. И как быть дальше? Со всем этим надо разбираться.

Не получится жить «по понятиям» и вместе с тем строить демократическое правовое государство, с развитой экономикой и социальной инфраструктурой.

- И все таки, видите ли Вы определенные тенденции современного развития Абхазии, которые способствовали бы утверждению более справедливой, безопасной и полноценной жизни наших граждан?

- Я не теряю оптимизма и надеюсь на то, что нами будет учтен не только положительный, но и отрицательный опыт, накопленный за эти годы.

- Последний вопрос: чему можно поучиться у Абхазии?

Если взять постсоветские страны, то многим свобода «свалилась» на голову. Абхазам, точнее народу Абхазии (нельзя забывать, что победа в войне – это заслуга не одних абхазов, но и представителей других национальностей, живущих здесь, добровольцев, пришедших к нам на помощь) свобода не упала на

голову как манна небесная. Наш народ ее завоевал и отстоял в тяжелые послевоенные годы. Вот это и дает надежду на то, что мы способны, взявшись за дело, многое изменить в нашей жизни.

Возвращаясь к тому, о чем мы говорили вначале, повторю: не существует какого-то особого собственного пути современного развития Абхазии. И тут тысячелетний опыт абхазской государственности, которым мы так гордимся, к сожалению, никакого практического значения не имеет, разве что пропагандистское. В современных реалиях тот опыт не применим. Поэтому нам надо учиться, перенимать современный опыт государственного строительства, а не твердить все время, что мы «особенные» или «самые лучшие». Идея национальной исключительности порождает лишь чванство, изоляционизм и нежелание учиться у других – действительно, если мы самые лучшие, то зачем у кого то учиться?

На самом деле, на данном этапе мы не обладаем знаниями и опытом, не переняв которые человечество споткнется на пути своего развития. Мы должны принять тот неоспоримый факт, что сможем выжить, только если будем хорошими учениками.

Интервью с Астамуром Танией подготовила Манана Гургулия

<http://www.chp-apsny.org>

Учредитель: Газета «Чегемская правда». Редактор Инал Хашиг.
Адрес редакции: г. Сухум, ул. Джонуа, 6. e-mail: inal-khashig@rambler.ru. Тел. (+7-940) 992-63-81.
Подписано в печать 24.07.18. Отпечатано в ГПП «Дом печати». Тираж 1350 экз. Цена 15 р.

КУПИМ ДОРОГО!!!!

Советские радиодетали, платы (в т. ч. материнки), АВТОМОБИЛЬНЫЕ и промышленные КАТАЛИЗАТОРЫ (сажевые фильтры), измерительные приборы, осциллографы, частотомеры и др., радиостанции, ЭВМ, АТС, термодары, КСМ, КСП, реохорды, аккумуляторы СЦ, СЦС, СЦД, СЦК, контакты с пускателей

Вопросы по тел.: +7 (940) 936 444 7

*160*03#

СУПЕР РОУМИНГ

0,5 РУБ МБ

aquafon | АПСҤАЗААРА АИМАДАРА